

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

К.Н. КОСТЮК

АРХАИКА И МОДЕРНИЗМ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Архаика и традиция

При достаточно глубоком усвоении западноевропейских модернизационных моделей Россия всегда сохраняла нетронутыми базовые структуры традиционного общества, которые и блокировали ее самостоятельное развитие. Наиболее явно противоречие между современными и традиционными чертами проявилось в тоталитарном советском обществе, которое, участвуя на равных с современными демократическими обществами в технической революции, восстановило при этом самые архаичные основы с элементами сакрализации сознания и восточного деспотизма. Демонтаж этих структур лишь изменил формы всепроникающего противоречия между архаикой и модерном, проявляющегося в многочисленных контрастах постсоветской действительности. Переплетение старого и нового, традиций и новаций здесь столь многообразно и сложно, что не позволяет применять стандартные модернизационные концепции к России.

Понятие архаики в социальной науке применялось исключительно к до-современным обществам, по отношению к современным использовалось понятие традиции. В научной публицистике между архаикой и традицией, как правило, не делается различий. Однако, хотя эти понятия имеют много общего, они должны строго различаться. Под традицией имеются в виду устойчивые культурные и социальные структуры, которые обеспечивают преемственность социальной жизни и задают определенные рамки мотивам и формам социальной деятельности. Традиции многослойны и многообразны, но при этом хорошо структурированы. Архаика же не обладает рациональ-

Костюк Константин Николаевич – старший преподаватель социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирант Католического Университета Айхштетт (Германия). **Адрес:** Konstantin Kostjuk Burgstr. 9, 85072 Eichstätt Deutschland (Россия 113216 Москва, ул. Куликовская, 1, кв. 215). **Телефон:** (049) 8421-904976 (Германия), (095) 713 20 52 (Россия). **Электронная почта:** Konstantin.Kostjuk@ku-eichstaett.de

ной структурой, не выполняет конструктивную функцию регулирования человеческого поведения, не характеризуется определенностью и устойчивостью. Архаика не кристаллизуется в социальных формах – это свойство традиции, но оседает на психологическом уровне, прежде всего – на уровне подсознания. Наиболее выражена она в пограничных ситуациях, в иррациональной мотивации, в спонтанных, внекультурных движениях человеческого духа. Если традиция является транслируемым культурным текстом, то архаика – культурным подтекстом, не формализуемым и не вербализуемым. Она возникает в местах разрушения культурной органики, традиции, и призвана в этом случае традицию компенсировать. Поэтому до определенной степени архаика способна управлять традицией. В свою очередь, и традиция несет на себе печать архаики, ее дух. Архаика составляет жизнь конкретных, но пассивных и не самостоятельных форм традиции. Граница, предел, который имеет традиция и не имеет архаика, проходит в месте столкновения архаики с модерном.

Архаика появляется в современном обществе только из-за неспособности традиции, вытесняемой модернизацией, выполнять свои функции. Парадоксальным является то, что архаика сама может быть источником модернизации и разрушения традиции.

Связка традиция – модернизация является элементом классической европейской модели развития. Здесь модернизация мыслится как инновационный процесс, базирующийся на традиции, устойчивой основе общества. Модернизация не отменяет и не деформирует традицию, а постепенно реформирует ее. Традиция, в свою очередь, не блокирует модернизацию, а ограничивает ее, приспособливая к существующим отношениям, и медленно приспособляется сама. Общественное развитие выглядит как процесс постоянного плавного усовершенствования и смены социальных форм. В идеальном случае переход к обществу модерна происходит без революций. Жизнь традиций в обществе модерна ускоряется – они существуют лишь на протяжении жизни нескольких поколений, а не тысячелетия, как прежде. Но при этом они сохраняются в максимальном объеме. Идеальным примером этой модели является Англия XVIII–XIX вв. – традиционная, сдержанная, педантичная, в то же время раньше всех индустриализированная и более всех инновационная. Тем не менее, избежать модернизационных революций не удалось ни одной крупной нации – ни англичанам, ни даже США, которые имели неоспоримое по сравнению с европейцами преимущество – отсутствие исторической инерции, балласта статичных традиций. Странам, где эти революции приняли наиболее радикальные формы, например, Франции, была обеспечена длительная политическая нестабильность.

Неизбежность революций делает недостаточной модель традиции – модернизации и побуждает дополнить ее еще одним элементом – архаикой. Эти революции вызываются именно столкновением архаики с модерном, и они не обязательно влекут за собой победу модерна. В подобной интерпретации концепция модерна не ограничивается лишь инновационным процессом и преодолением традиций. Противостояние традиционных обществ и обществ модерна имеет содержательно-духовные основания. Модерн полностью от-

рицает дух архаики. Движению назад он противопоставляет движение вперед, возвращению в изначальность природы – конструирование культуры. Иррациональности архаики противопоставит рациональность модерна, синкретической слиянности «всего со всем» – дифференциация и специализация, сакральности культурного мира – его гуманность. Традиция в этом случае – линия фронта в арьергардных боях с архаикой, последняя граница культуры, отделяющая человека от природы. Таким образом, классическая модель традиция – модернизация уступает в современной теории место модели архаика – традиция – модерн.

Балансирование традиции между архаикой и модернизацией, с трудом поддерживаемое в странах органической модернизации, то есть в Европе, едва ли можно было сохранить в странах догоняющей модернизации. За десятилетия здесь предстояло сделать то, что в Европе строилось столетиями. Не оставалось времени реформировать старые традиции, их приходилось отменять и вводить новые порядки, учреждения, нормы. Это удавалось сделать там, где модернизация становилась ценностью, но не мыслилась как наступление на традицию, например, в Японии. Традиция там призывалась в союзники модернизации. Прагматические конфуцианские традиции Юго-Восточной Азии позволяли многим странам рационально и селективно подойти к модернизации, не форсируя ее там, где она не была необходима. И действительно, такие традиционные ценности как семья, стабильность, труд, нравственность помогли создать оригинальную модель в высшей степени современного японского общества, для которого возвращение архаики не представляло опасности.

По другому пути пошла Россия. Модернизация с ранних пор здесь стала ценностью, но лишь технической, инструментальной. Основы социума – традиционное аграрное общество и абсолютистские формы власти – оставались неприкосновенны. Достаточно сказать, что в начале XX в., через два столетия после начала петровской индустриализации, крестьянское население составляло абсолютное большинство, а государство было последним в Европе, не тронутым парламентаризмом. В то же время и традиция представляла для процесса модернизации не ценность, а помеху. В той сфере, где модернизация проводилась, она проводилась без оглядки на традицию: коренным образом менялись содержание и формы жизни. Результат этого подхода – образование социальных групп, которые концентрировали в себе или модернизацию, или традицию. Высший класс, дворянство, интеллигенция, бюрократия, промышленники, отчасти купечество и мещане противостояли океану крестьянства как совершенно иному миру. Модернизационные силы России были по-особому динамичны, силы традиции – по-особому косны. Агрессивная модернизация не видела возможности смычки со стагнирующей традицией. Напряженное противостояние вылилось в буржуазную Февральскую революцию, мыслившуюся как преодоление традиции, и нашло завершение в Октябрьской революции, установившей власть архаики.

Приход архаики как ответа на наступление и разрушение традиции нельзя назвать исключительно российским явлением. В той или иной форме оно происходило и в других культурах – в виде германского нацизма, евро-

пейского фашизма, китайского коммунизма, военных диктатур развивающихся стран. Однако такое развитие событий, разумеется, уже не может считаться нормальным: это провал модернизации, культурный провал. Победа архаики означает поражение модерна, хотя модернизация при этом и имеет место.

Архаическая революция

Прояснить сложные отношения между архаикой, традицией, модерном и модернизацией позволит анализ причин и следствий архаической революции 1917 г. в России. Ее характеризует крайне противоречивое с социологической точки зрения содержание. Эта революция происходила под знаменем утопической модернизационной модели «общества будущего», в которой всему прошлому принадлежала роль предыстории. Проблема традиции в марксизме даже не рассматривалась. Будущее принадлежало новому человеку, свободному обществу, науке, прогрессу. Но уже в теории сущность общества отождествлялась с классовой борьбой, управление им – с диктатурой, его формы – с тотальностью и синкретизмом, общинной жизнью. Под маской модернизации прятались элементы архаики – репрессивность, подчинение личности социуму.

Осуществлена революция была модернизационными слоями общества – городским пролетариатом под руководством радикальной интеллигенции. Но решающим моментом оказалась поддержка крестьянства и, главное, – привлечение люмпена, образовавшего костяк репрессивных органов. Стимул революционной энергии был очень прост – экспроприация экспроприаторов, «грабь нагробленное». Горнилом архаики стала вакханалия гражданской войны, размах террора, стоившего стране 10 млн. жизней. Террор, сжигая в своей топке культуру, разрастаясь и свирепея, особенно в 30-е годы, создал собственного проводника архаики – репрессивный партийно-бюрократический аппарат во главе с диктатором, противостоящий всему остальному населению.

Политика партии – субъекта архаики – в послереволюционной истории носила модернизационный характер: стремительная индустриализация, программа всеобщей грамотности, развитие науки, урбанизация. Однако параллельно осуществлялась программа примитивизации общества: была восстановлена в виде колхозов крестьянская община, но уже в огосударственной форме, произошла демонетаризация (то есть натурализация) народного хозяйства и переход к репрессивно-административным – плановым – формам управления, были ликвидированы институты гражданского общества (частная собственность, независимые общественные объединения) и правового государства (независимые правовые институты, разделение властей, представительные органы), восстановлена империя, усиленно создавалась сакрализованная политическая культура (официальный атеизм, коммунистическая религия, ритуализация жизни, поклонение вождям и т.д.).

Традиционных форм социальной жизни в советском обществе практически не осталось. Семья, половые отношения, традиции в творческой культуре и даже в одежде были радикальным образом перекроены. Целью совет-

ской модернизации было упрочить архаику, поставить модерн ей на службу, сделать архаичное общество конкурентоспособным. Каким бы ни было отсталым дореволюционное российское аграрное общество, оно было на порядок «современней», чем индустриальное советское.

Таким образом, на примере российской истории видно, что традиция может противостоять и препятствовать архаике. Ради укрепления архаического элемента традиционного общества архаика может целиком пожертвовать традицией. Архаика селективно использует как традицию, так и модернизацию: они являются материалом, из которого она выстраивает социальное тело.

В каких же формах существует архаика как таковая? Не является ли она метафорой, позволяющей объяснять противоречия модернизации? Парадоксально, но у архаики нет форм. Советское государство даже в сталинский период имело конституцию, опиралось на представительские органы власти – Советы, претендовало на роль защитника справедливости, демократии, интернационализма, прогресса. Было в нем и институциональное разделение властей – исполнительной, законодательной, судебной. Все строение социальных отношений пронизывал принцип «демократического централизма», ответственности нижестоящих органов перед вышестоящими. Партийные и государственные органы были, в конечном счете, выборными, представительскими, коллегиальными. Даже репрессии имели свою правовую форму, фиксировались в документах и ни в коем случае не были проявлением отсутствия права.

След архаики заключался лишь в том, что все это не работало либо приводило к обратному эффекту: выбирали послушно того, на кого указывали сверху, ответственность действовала только в одном направлении – снизу вверх, разделение властей снималось в верховном единстве партийного руководства и т.д. Все формы Советского государства, как показали события конца 80-х, в два шага – через косметическую реорганизацию «советской демократии» (съезд народных депутатов – президент) – переплавлялись в формы современной демократии. Архаическая сущность советского общества осталась закрытой для западной науки. По всем параметрам институциональные формы советского общества вполне коррелировали с современными, и только по содержанию – посредством негласных, неформальных предписаний и кодексов – это общество было принципиально иным.

Обычно архаика связывается с древними, примитивными формами культуры и социальной жизни. Но это не значит, что с развитием и усложнением обществ она исчезает. Она отступает, становясь редуцированным элементом традиции. Примитивные социальные формы, зафиксированные в традициях, соответствуют примитивным уровням психики. Усложнение социальных форм и традиций требует более глубокой культурной проработки психики. Но простые формы психической жизни не могут исчезнуть совсем, они лишь окультуриваются, застраиваются более высокими слоями. Основной строительный материал, связывающий и погребаящий архаические слои сознания – традиция. Традиция – защита против хаоса в индивидуальном сознании. Она противостоит как деструктивному давлению хаоса

подсознания, так и давлению модернизации, направленному на конструктивную перестройку устоявшихся слоев культурного сознания. В результате двойного давления традиция объективно слабеет и может не выдержать давления архаики. Интересно, что культуру разрушает не сама модернизация: традиционалисты жалуются на угрозу архаического хаоса и распада, возникающих вследствие модернизации.

Традиция, представляющая собой многослойную культурную память народа, служит своего рода почвой для социальной жизни. Когда модернизация разрыхляет верхние слои культуры, традиция может постепенно перемещаться на участки социальной жизни, не затронутые ею, либо отступать к более старым слоям. Если модернизация затрагивает общественные секторы социума, традиция отступает в частную жизнь, в семью. Европейская модернизация опиралась на традиционный базис семьи, японская, кроме этого, – на корпоративные традиции. В России наиболее развитыми были не столько семейные, сколько корпоративные, общинные традиции¹. Именно на них был направлен основной удар модернизации во второй половине XIX в., связанный с отменой крепостного права. После разрушения патронажных связей с землевладельцем, «баринном», в начале XX в. были разорваны и связи крестьянина с деревенской общиной. Вслед за этим началось добровольное или, уже при советской власти, принудительное переселение в Сибирь и в города. Этому процессу сопутствовал распад многопоколенной крестьянской семьи. Таким образом, в течение полувека первичные корпоративные отношения крестьянина с миром были разрушены, что вызвало стремительную девальвацию крестьянского жизненного опыта. Коллективизация при Советской власти только отчасти означала возвращение к корпоративным традициям. Во многом она была направлена на подрыв семейных устоев. Лишение частной собственности уже полностью сконцентрировавшегося на семейном хозяйстве крестьянина, борьба с любыми видами индивидуальной трудовой деятельности, уничтожение религиозных форм брака, дифференцированного полового воспитания, форсирование законодательства о разводах, активное вовлечение женщины в индустриальное производство и общественную деятельность лишили традицию наиболее прочной почвы – частной жизни. Формирование «нового человека» было не простой декларацией, а многоплановым разрушением традиционных структур и горизонтов жизненного мира личности.

Итак, особенностью российской модернизации было фронтальное наступление инноваций, лишаящих социальные отношения какой бы то ни было традиционной почвы. Таким способом создавалось тоталитарное государство. Традиция была вынуждена отступать из верхних культурных слоев в нижние, из сферы социальных структур в виртуальную сферу индивидуаль-

¹ К. Леонтьев отмечал, что семейные начала в России развиты значительно слабее, чем в Европе [1, с. 16-18]. Он выделял приоритет государственности в российском общественном сознании. Многие писатели подчеркивают значение родового начала в российской истории и быту. Разложение основ общины рассмотрено В. Леонтовичем [2].

ных представлений. Неизменным остался только уровень мифологического сознания, предрассудков, суеверий, моделей индивидуального поведения. Их атомарность, аморфность была усугублена вследствие атаки на традиционные религиозные представления. Индивидуальные культурные основы, которые не коренились ни в каких социальных структурах официальной культуры, уже не могли быть атакованы, но они и не являлись культурой в собственном смысле. По мере спуска к более примитивным культурным слоям утрачивалась устойчивость, стабильность традиций и сквозь них все сильнее просвечивала архаика.

Архаика прежде всего проявляется там, где рушатся многослойные построения культуры, а вместе с ними – все искусственные преграды перед насилием, перед биологической животной агрессией человека.

С аффектом, агрессией, насилием архаика прорывается в мир культуры. Убийство – ключевой пункт этого прорыва. З. Фрейд включал сюда также инцест и сексуальное насилие. Архаика проявляется также в дезинтеграции, хаосе, распаде. Культурно укорененными архаическими представлениями в российском менталитете были анархический идеал «воли» и поведенческие модели ее достижения – бунта. Наиболее ярким примером архаики в социальной жизни является гражданская война – не просто война против «чужого», опосредованная культурными механизмами, но война против «своего», против круга ближних, который особенно прочно защищен культурой. «Капиталистическая война имеет писанные законы, но у гражданской войны один собственный закон... В гражданской войне нет суда для врага... Если не ты убил, ты будешь убит», – писал О. Лацис². Братоубийственная гражданская война в России, уникальная по размаху не только в отечественной, но и в мировой истории³, означала прорыв стабилизирующих механизмов культуры, взрыв архаики. С завершением борьбы «красных» и «белых» вакханалия архаики продолжилась при Сталине, исчисляясь десятками миллионов жертв.

В истории России происходило множество восстаний и бунтов общенационального значения. Все они практически ни к чему не приводили. В условиях традиционного общества ничем, кроме восстановления «традиционного» порядка, они закончиться и не могли. Архаическая революция 1917 г. имела другую природу. Она следовала непосредственно за модернизационной Февральской революцией и была направлена на защиту самого традиционного общества от модерна. В силу того, что, с одной стороны, индивид почувствовал экзистенциальную угрозу со стороны модерна, а, с другой стороны, культурные механизмы защиты были сломлены, сама архаика – без посредства традиции – выступила против модерна. Свою защиту архаический человек стал выстраивать не столько инструментами традиции, сколько инструментами модернизации. Советская модернизация оказалось формой

² Известия. 1918. 23 августа. Цит по: [3, р. 83].

³ Сравнимыми явлениями могут быть только революция в Камбодже, отчасти – в Китае. Наиболее целостную картину социалистических архаических революций дает «Черная книга коммунизма» [3].

существования и укрепления архаики.

Топология архаики

Аграрное крестьянское население дореволюционной России составляло 82%, а количество неграмотных – 72% (в Великобритании, например, сельское население составляло только 12%). За следующие 50 лет доля сельского населения снизилась до 45% (сегодня – 25%), «силовым» путем была ликвидирована неграмотность, Советский Союз вышел на ведущие места по ряду количественных показателей в сферах высшего образования, медицинского обслуживания и т.д. В то же время не менее очевидно, что разрыв между Россией и развитыми странами за советскую эпоху не только не уменьшился, но значительно увеличился, о чем свидетельствует полная неконкурентоспособность советской экономики.

Неуспех архаической модернизации был запрограммирован уже в ее модели. Тем не менее, он не был беспорочен, коль скоро темпы роста советской экономики в некоторые периоды значительно опережали европейские. Рост был возможен до исчерпания пределов экстенсивного, трудоемкого и малотехнологичного развития, до наступления информационной и коммуникационной эры модерна. Выяснить пределы архаической модернизации позволит топология архаики в советском обществе, прослеженная по основным социальным секторам.

1. *Власть*. Главным итогом гражданской войны было овладение архаикой политической власти. В течение нескольких месяцев были уничтожены достижения модерна в политике – плюрализм партийной жизни, демократические институты, инструменты представительства. Власть приняла форму диктатуры – в виде автократии (Сталин) или партийной олигархии (брежневское политбюро). Перерастание народных волнений в диктатуру – давно замеченный феномен архаизации политики, но в данном случае он приобрел новую природу благодаря такому инструменту модерна как политическая партия. Архаикой были востребованы мощные организационные, легитимационные, идеологические и воспитательные ресурсы партийной организации при полном выхолащивании ее конкурентной природы. То же можно сказать о Советах – они были поставлены под контроль и использованы как легитимационное средство. Партия в качестве источника власти и Советы в качестве ее посредника стерли прежде очевидную границу между властью и народом и сделали диктатуру неуязвимой.

2. *Идеология*. Здесь архаика продвинулась еще дальше. Ей удалось обратить вспять процессы секуляризации, индивидуализации и эмансипации гражданского сознания. Под прикрытием государственного атеизма, борьбы с церковью и религией были созданы мифологические комплексы государственной идеологии и осуществлена полная сакрализация политического сознания. Политическая жизнь была ритуализирована, выведена из-под критики, закрыта от всех внешних влияний. Идеология – инструмент концептуализации и рационализации политического сознания модерна – использовалась для масштабного проникновения государства в иные жизненные практики. Она позволяла искажать картину социальной реальности и манипулировать

поведенческими мотивами личности до неведомой прежде степени. Поэтому политическая власть в короткий срок сумела достичь абсолютного, беспрецедентного в российской истории могущества. Очевидно, это стало возможным из-за отсутствия традиций, препятствующих подобной государственной экспансии и возникновению тоталитаризма.

3. *Государственное управление.* В этой области архаике удалось добиться полной монополизации управления при сохранении всех достоинств институционального разделения властей. Используя еще один инструмент модерна – бюрократический аппарат, советская архаика полностью иерархизировала управление и лишила его всех элементов самоуправления и автономии. Волевым движением было возможно только в одном направлении – сверху вниз. За формами номенклатуры скрывался кастовый характер советской политической элиты. Корпоративные, клановые по своей природе отношения были вписаны в формализованные структуры власти. Советское государство выделялось гипертрофированно разросшимися репрессивными органами безопасности, которые превратились в основной источник власти.

4. *Право.* Советской архаике удалось подчинить политической власти механизмы права, которые в модерне развиваются как автономные регуляторы социальной жизни. Целые регионы были выведены из-под действия права, был устранен принцип равенства всех перед законом. Правовое сознание было редуцировано до примитивного, элементарного уровня. Архаике удалось почти полностью устранить из общественного сознания представления о правах человека, об индивидуальных свободах. Это позволило беспрепятственно декларировать права человека в конституции, международных документах.

5. *Экономика.* Были уничтожены все формы капиталистического хозяйствования, обеспечивающие технологический прогресс, устранена частная собственность, источник индивидуализации личности. Национализированная экономика была натурализована, лишена конкурентных стимулов развития. Тем не менее, были реализованы другие возможности модерна – рациональный расчет, планирование, использование результатов технической революции. Отсутствие рыночных механизмов и индивидуальных стимулов было компенсировано архаическими средствами – жесткой дисциплиной, свободным, почти ничем не регулируемым волевым распоряжением трудовыми и материальными ресурсами.

6. *Общество.* Наиболее ярко власть архаики в советское время демонстрирует тот факт, что почти на столетие в стране исчезли все проявления протеста – доселе невиданное в российской истории явление. Опыт французской революции учит, что народ, раз поднявшийся на революцию и познавший вкус победы, становится в дальнейшем революционным народом *par excellence*. Так было и в России с 1905 г. Так и осталось в идеологизированном образе советского народа. Задавленный репрессивной властью народ должен был хранить свои революционные традиции, готовить мировую революцию и при этом быть лишенным права на элементарную забастовку.

Достижению этого состояния способствовала не только идеологическая пропаганда и всемогущие репрессивные органы, но и, прежде всего, добро-

вольные общественные ассоциации – профсоюзы, различные общественно-политические объединения, к которым принадлежала и партия. Посредством государственного контроля архаикой были инструментализированы и обращены против модерна механизмы общественной интеграции. Уникальным феноменом была «коллективизация» всей страны – превращение организационных форм производственной деятельности в «трудовые коллективы». Коллективы обещали каждой личности право на равное участие в общественно-производственной жизни, но во многом служили инструментом подавления индивидуальности.

7. *Человек.* Главной целью архаики в борьбе с модерном было предотвращение индивидуализации, освобождения личности. Человек архаики – не личность, а материал, инструмент, раб. Советский человек не просто должен был служить режиму, строя коммунизм, он должен был делать это активно и инициативно, поскольку «имя его звучит гордо». При такой постановке вопроса цель его отчасти заключалась в том, чтобы стать пассивной и серой, но – личностью в себе и для себя, а не «для другого». Все это способствовало возникновению двух альтернативных типов поведения, выражающихся в образах идеологического монстра, подобного «героям революции», и технократа, уходящего из политики в экспертную культуру, если это позволяли условия. Хотя «идеологический монстр» жил в каждом гражданине, у технократа он редуцировался до проявления абсолютной лояльности по отношению к власти, до полной дистрофии гражданского чувства. Иными словами, заморозив некоторые базисные структуры личности, архаика позволяла развиваться остальным. Раскол между архаикой и модерном, прошедший сквозь все сферы бытия, был особенно болезнен в технологических сферах, аутичных модерну.

8. *Наука.* В советском обществе наука получила приоритетное развитие, опережая даже западные общества. Тем не менее, эффективность внешних инвестиций в науку была блокирована внутренними ограничениями. Социальные науки, посредством которых модерн стимулировал социальное развитие, были заморожены, по сути, находились в эмбриональном состоянии. Новые идеи и подходы, которые не совсем укладывались в мифологически-материалистическую картину мира, были просто запрещены. Периодическое преследование отдельных секторов модерна, наподобие кампаний против генетики или кибернетики, нужны были власти для того, чтобы держать ученых под репрессивным давлением. Наконец, архаика была просто нечувствительна к модерну: такие связанные с технологиями будущего явления как информационная и коммуникационная революции остались для нее незамеченными.

9. *Новые технологии.* Ситуация с технологиями демонстрирует беспомощность архаики: она была готова принять все, что дает модерн, но не обладала ни способностью это развивать, ни готовностью менять ради этого цивилизационные основы общества. Советскому обществу хорошо подходили массовые конвейерные формы тэйлоровского производства, иерархическая структура организации менеджмента, тяжелой промышленности, машиностроения, особенно производства военной техники. Но поскольку эти но-

вации стимулировали также массовое потребление, внутреннее развитие личности, их применение блокировалось системой. Человек с компьютером был, в сущности, для архаики опаснее, чем человек с автоматом.

Можно выделить основные начала, обуславливающие архаизацию модерна в советское время:

1. *Родовое начало.* Социализм нес на себе печать идеологии рода – обобществления собственности, подчинения личности роду, сакральности родовой мифологии. Очевидно, родовой комплекс принадлежит наиболее древним, близким архаике слоям традиции, восходящим к самому примитивному уровню общества. Родовые традиции были полностью преодолены западными обществами, существовали лишь на ментальном уровне, способствуя появлению коммунистических идеологий, но в России их следы все еще сохранялись в формах общинной жизни. Как практически вымерший слой сознания родовой комплекс явился в виде «новой идеологии», враждебной всем иным, в том числе традиционным идеологиям.

2. *Репрессивное начало.* Архаика по своей природе репрессивна, таким образом она компенсирует дефицит культурных и социальных механизмов управления. Чем ниже культурный слой традиции, тем он более репрессивен. Поскольку целостность традиционного сознания после модернизационной и архаической революций в России была разрушена, она компенсировалась этим элементом архаики. Насилие служило инструментом, посредством которого поспешно создавались и фиксировались новые «советские традиции». По мере их укрепления репрессивное начало ослаблялось. Репрессии наиболее эффективно помогали подчинить инструменты модерна целям архаики. Репрессивный потенциал советской архаической революции способствовал развитию милитаризации и конфликтности, проявившейся в глобальном военном противостоянии систем.

3. *Сакральное начало.* Архаика сакральна, но не религиозна. Если религиозность является культурной формой сакральности, опосредованной комплексом специфических представлений и традиций, то сама сакральность представляет собой элементарные формы синкретического восприятия мира и проявляется не через веру, как религия, а через поклонение, как культ. Поэтому предпосылкой распространения сакральности в советском обществе была «очистка почвы» от религии и традиции путем «научного атеизма». Архаика сакрализовала новые социально-культурные формы, такие как культ и власть, и нейтрализовала старые как «суеверия». Формы модерна были инкорпорированы в сакральные комплексы культуры как средства, а не цели, и мировоззренческие влияния модерна были, таким образом, успешно подавлены.

Цели архаики не могли быть достигнуты. Архаика обречена на поражение самой логикой цивилизационного процесса. В России ее триумф мог быть только временным: во-первых, она была заведомо неконкурентоспособна по сравнению с модерном, во-вторых, она была вынуждена играть на его поле. Родовое, сакральное и репрессивное общество могло существовать только в отдельных регионах. В России архаика встретила мощное сопротивление со стороны общества и личности. Это сопротивление затронуло и

модерн, но само по себе еще не вело к созданию общества модерна. Так, сопротивление идеологически-мифологической агрессии режима выразилось в стремлении уклониться от этого воздействия, что вело к возникновению пассивного гражданского сознания. Диктат архаической власти вызвал отчуждение от власти. Сопротивление засилью тоталитарных общественно-политических организаций обернулось их внутренней формализацией и блокированием всех форм социальной интеграции. Уничтожение частной собственности привело к укреплению эгоцентрического утилитаризма на остатках личной собственности. Иными словами, благодаря своему сопротивлению личность вместо планируемого нового «советского человека» превратилась в homo soveticus – весьма невзрачного, пассивного, ограниченного, суеверного, но в каких-то внутренних пространствах души оставшегося свободным и непорабощенным представителя человечества. Сопротивление, блокирующее новые традиции, тем самым подпитывало архаику. Одной из форм «бегства от действительности», например, был алкоголизм – сугубо архаическое явление. Во всяком случае, материал, оставшийся после эпохи архаики, лишь в малой степени годился для эпохи модерна. Это стало очевидным достаточно скоро после падения коммунизма.

Тем не менее, система модернизированной архаики пала, взорванная изнутри, а не снаружи. Примечательно, что ее могильщиками были не столько массы, сколько номенклатура и партийно-государственный аппарат, которому, как оказалось, наиболее тяжело было выдерживать внутренний раскол между архаикой и модерном. Политический класс и бюрократия были носителями архаики, использующими все преимущества ее власти. Но в то же время они оставались не некими архаическими «вождями и жрецами», а, преимущественно, детьми модерна. Сакральный по содержанию политический культ был по форме полностью секуляризован. Номенклатура при всей своей закрытости не обладала наследственными правами власти, а партийные «жрецы» вынуждены были прибегать к «научной» аргументации. Носители власти использовали власть эгоцентрично, не служа сакральному онтологическому порядку, а добывая личные привилегии. Из их цинизма и вместе с тем прагматизма родилась перестройка. Чтобы укрепить шаткое в конкурентной борьбе с Западом положение архаики, они должны привести общество в движение. Но в этот раз заморозить «оттепель» не удалось.

От архаики к модерну

События 1989-1991 гг. означали победу модернизационной революции. Тем не менее, наивно было бы ожидать скорого построения общества модерна в России. Поражение архаики вело отчасти и к поражению структур модерна, встроенных в советскую архаичную систему. Победа модерна может сопровождаться его же отступлением, поражение архаики не отрицает возможности ее роста. О модерне в постсоветской России можно говорить только как о сущности строящегося общества, но не о его формах. Архаика находит новые способы приспособления к модерну. Если прежде речь шла о модернизации архаики, то теперь идут процессы архаизации модерна. Механизм этих процессов тот же, что и прежде, – стремительное разрушение тра-

диций и близость социального хаоса. Меняются только позиции сторон: создаются предпосылки для того, чтобы постепенно вытеснять архаику и лишать ее власти. Сама по себе архаика неистребима ни на одном уровне развития общества. Значительную прогностическую ценность имеют попытки дать анализ того, как из архаических структур советского общества рождаются структуры общества модерна и в каких формах находят новую жизнь архаические элементы в становящихся традициях нового общества.

Влияние архаики проявляется сегодня в коррозии новых социальных институтов и очевидно деградирующем характере социального развития. Деграция общества наиболее очевидна в том секторе, из которого исходили основные импульсы модернизации – в экономическом. Банкротство советской системы привело к беспрецедентному экономическому падению, повлекшему за собой столь же катастрофическое падение стандартов потребления. Захлестнувшая население нищета самопроизвольно продуцирует этос архаики – физическую и моральную деградацию, дезорганизацию и дестабилизацию общества. Параллельно деиндустриализации развивается сектор примитивной субсистентной экономики приусадебных хозяйств. Черты советской безденежной перераспределительной экономики можно сегодня наблюдать в демонетизации и долларизации экономики, перманентном кризисе финансовой и фискальной систем. Отчетливые черты архаичной советской системы сохраняет и российский капитализм – капитализм, во-первых, «дикий», не регулируемый законом и традицией, во-вторых, «политический», возникший из остатков государственно-распределительной системы, в-третьих, «олигархический», превративший деньги в основной ресурс власти, в-четвертых, «приятельский», основанный не на формализованной правовой почве, а, как и прежде, на личных связях [4]. В постсоветском обществе не мог вырасти массовый активный мелкий предприниматель и фермер, не могло возникнуть среднего класса. Яркий признак архаики сегодня – раскол на бедных и богатых, свойственный развивающимся обществам.

К сферам, наиболее проникнутым архаикой, принадлежит и политика, хотя в ней наблюдаются наиболее радикальные позитивные изменения: переход к демократии, правовому государству, многопартийности, конституции и т.д. Российская демократия довольно быстро приняла черты клановой, корпоративной и олигархической демократии. Очевидно, что партии, средства массовой информации, выборы остаются инструментами архаики. Архаические черты проявляются и в развитии авторитаризма, как закрепленного в Конституции, так и, в особенности, расцветающего в региональных авторитарных режимах. Рост регионализма породил кризис федерализма, сопровождающийся внутренними вооруженными конфликтами и растущим военным бюджетом, собственно, нищего государства. Имперский элемент российской политической культуры не изменился, а, по сути, обнажился в результате войны на Северном Кавказе. При этом налицо растущая аномия в государстве, вызванная падением законности и коррумпированностью бюрократии. Уменьшается доверие к власти, увеличивается отчуждение ее от населения. Ничто не говорит и об укреплении правовых основ государственной жизни: судебная система, как и общее правосознание, остается крайне неразвитой,

обеспечение принципа неотвратимости возмездия и гуманных условий исполнения наказаний стали еще более нереализуемыми [5].

Не приобрело черт современности и российское общество. Его архаические черты усилили резкий рост конфликтного потенциала, социальная дезинтеграция, потеря социальной идентичности, утрата ценностного консенсуса. Вследствие этого бушуют информационные войны, множатся заказные убийства, обостряются этнические конфликты. Во всех регионах стремительно расцвела и оплела хозяйственные и политические структуры организованная преступность. На месте отмерших общественных организаций не возникло новых, адекватных гражданскому обществу, не получили силы и механизмы влияния общественности на власть. В короткий срок была значительно редуцирована социальная сфера государства: растущее число нищих и бездомных не позволяет об этом забывать. Ухудшилось состояние медицинского обслуживания, образования. О деградации общественной жизни свидетельствует катастрофическое падение продолжительности жизни, сокращение населения.

О стремительном разрастании архаики свидетельствует также состояние собственных секторов модерна – науки и технологий, с помощью которых советская архаика пыталась поддержать свою конкурентоспособность. Во много раз сократилось финансирование НИОКР и науки, количество научных организаций и ученых. При многократном падении капиталовложений резко снизился и технологический уровень российской экономики. «Утечка мозгов» и значительное увеличение доли сырья в экспорте говорят о детехнологизации и демодернизации культуры.

Таким образом, элемент «современности» в российском обществе по сравнению с советским обществом последнего периода скорее уменьшился, чем увеличился. Во всяком случае, степень хаотичности и вакханалии «стихий» в нем на порядок выше. Архаический характер российского общества находит выражение хотя бы в том, что противостояние России и Запада, первоначально почти исчезнувшее, вновь восстановилось. Причем во всех конфликтах Россия выступает не на стороне ценностей модерна – прав человека, демократии, а поддерживает ценности иного характера, прежде всего, незыблемого государственного суверенитета. В глазах западных обществ Россия сохраняет и все более проявляет характер репрессивной культуры. Как и прежде, от России исходят только опасности – если не ядерной войны, то экологической, гуманитарной и прочих катастроф.

Тем не менее, сравнивая социокультурный ландшафт советской и постсоветской эпохи, можно утверждать, что ни родовое, ни репрессивное, ни сакральное начала не образуют оснований российской культуры. Они присутствуют, скорее, как антикультура, как то, что должно культурой преодолеваться. Архаика стала периферийным, привходящим элементом. Бросается в глаза и то, что в своих нынешних характеристиках Россия в значительной степени сближается с развивающимися странами. Авторитаризм, нестабильность, социальный дисбаланс, нефункциональность современных институтов, отсутствие динамики в развитии – все это черты развивающихся, традиционалистских обществ, которые, однако, не являются архаическими. Ткань

их культуры составляют традиции более низкого уровня, чем в развитых обществах. Их задача – в сжатые исторические сроки нарастить новые слои, избегая при этом коррозии культуры, модернизационных катастроф. Модернизация и здесь сопровождается усилением архаики, но не отдает ей при этом власти. Даже самые суровые авторитарные режимы не имеют тоталитарных претензий, подобных тем, какие имела в свое время советская номенклатура. В свое время прошли через авторитаризм многие европейские государства – Италия, Австрия, Испания, Португалия, Греция и другие. Под сенью авторитарных режимов нередко могли проводиться в жизнь либеральные программы (Чили).

Тем не менее, обе присущие России альтернативы развивающихся обществ – хаос и дезинтеграция в стране или авторитарный режим – порождены стихией архаики и в значительной степени блокируют модернизацию. Авторитаризм представляет собой реакцию традиционализма на модернизацию, при этом задача последней подчиняется, а иной раз приносится в жертву, задаче сохранения стабильности общества. Он, как правило, укрепляет почву политической традиции ради ускорения экономической модернизации. Благодаря этому не происходит ни столь глубокого разрушения традиций, ни столь радикальной модернизации, как это было возможным в Советском Союзе. Умеренность авторитаристского традиционализма происходит от его чувства границы, задаваемой традицией, от чувства пластичности культурного материала. Это не устраняет опасности срыва в архаику, поскольку авторитаризм означает монополию традиционализма на власть и не исключает возможности злоупотребления ею. Но авторитаризм дает развивающимся обществам возможность ускоренного и в то же время максимально стабильного перехода к модерну, вызревания современного общества из традиционного.

Едва ли существует ответ на вопрос, является ли неизбежным для России определенный период стагнирующего авторитаризма. В России нет почвы традиции и традиционализма, на которую бы опирался авторитаризм, и базироваться он может только на той же архаике. С другой стороны, модерн проник в российскую культуру на порядок глубже, чем в большинстве развивающихся обществ, – еще в начале века Россия задавала тон в европейском искусстве. Пример послевоенной Германии показывает, что существует возможность прямого перехода в модерн. Поэтому есть шанс, что с архаикой в России будет бороться не традиционализм в лице авторитаризма, а сам модерн – в лице демократического и правового государства, становящегося гражданского общества, развивающейся рыночной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Византизм и славянство. М., 1992.
2. *Леонтович В.* История либерализма в России. М.: Русский путь – Полиграфресурсы, 1995.
3. *Das Schwarzbuch des Kommunismus: Unterdrückung, Verbrechen und Terror* / Hrsg. S. Courtois. München: Pieper, 1998.
4. *Исправников В.О., Куликов В.В.* // Теневая экономика в России: Иной

- путь и третья сила. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1997.
5. *Семитко А.П.* Русская правовая культура: Мифологические и социально-экономические предпосылки // Государство и право. 1992. № 10.